

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Садов

Боги и люди по Тибуллу

Опубликовано:

Христианское чтение. 1889. № 5-6. С. 674-692.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Боги и люди по Тибуллу.

(Очеркъ изъ исторiи римской религiи и нравственности ¹⁾).

Въ одной изъ первыхъ ²⁾ своихъ элегiй Альбiй Тибуллъ, упомянувши о благосостоянiи своего хозяйства въ деревнѣ и выразивши надежду на продолженiе этого благосостоянiя, въ основанiе такой надежды полагаетъ то, что онъ, Тибуллъ, чтитъ боговъ. Поэтъ чтитъ божество и при видѣ врытаго въ землю и одиноко въ полѣ стоящаго деревяннаго столба, и при видѣ находящагося на раздорожицѣ стариннаго камня, которые признаны священными изображенiями боговъ и потому обвиты вѣнками изъ цвѣтовъ. Онъ чтитъ Цереру, принося ей вѣнокъ изъ колосьевъ съ своего поля и вѣшая этотъ вѣнокъ при входѣ въ ея храмъ, — чтитъ Прiапа, поставляя его статую въ охраняемыхъ имъ садахъ, — чтитъ боговъ земледѣлiя, ежегодно принося имъ начатки плодовъ, — чтитъ ларовъ сельскихъ, стражей своего поля, принося слѣдующiе имъ дары,

¹⁾ Авторъ предлагаемаго очерка пользовался слѣдующими изданiями: *Albi Tibulli carmina, novis caris castigavit Chr. G. Heyne, 1777*; *A. Tibulli carmina ex rec. et cum animadvers. I. G. Huschki, t. II, 1819*; *A. Tibulli carmina explicuit L. Dissenius, 1835*; *Die römische Elegie, von O. F. Gruppe, 1838—39*; *Catulli, Tibulli, Propertii carmina, rec. et praef. est L. Mueller, 1874*; *Böm. Elegiker, bearb. von K. P. Schulze, 1884*; *Selections from Tibullus and Propertius with introduction and notes by G. G. Ramsay, 1887*. Цитаты сдѣланы по редакцiи Л. Миллера, хотя съ принятымъ у названнаго ученаго порядкомъ Тибулловыхъ стиховъ соглашаться всегда вѣтъ достаточныхъ основанiй.

²⁾ Dissen (въ латинизированной формѣ — Dissenius), pagg. XVI. XXXIV. Не бесполезно впрочемъ принять къ свѣдѣнiю остроумныя замѣчанiя Группе (въ I, 260 слѣд. и друг.) относительно старанiй установить точныя даты отдѣльныхъ стихотворенiй Тибулла

въ видѣ большихъ или меньшихъ жертвенныхъ животныхъ, сообразно съ своимъ достаткомъ, при чемъ деревенская молодежь возноситъ къ этимъ божествамъ мольбу о дарованіи жатвы и хорошаго вина. Онъ, въ своемъ помѣстьѣ, ежегодно, въ праздникъ Палидій умиляетъ богиню пастуховъ Падесу, окропляя ея статую молокомъ, и установленнымъ способомъ очищаетъ своего пастуха ¹⁾. Въ другомъ стихотвореніи, написанномъ, какъ думаютъ, всего приблизительно года за четыре или за пять до смерти ²⁾ и относящемся, во всякомъ случаѣ, ко времени на нѣсколько лѣтъ болѣе позднему сравнительно съ вышеуказанной элегіей ³⁾, Тибуллъ опять является искреннимъ, повидимому, читателемъ сельскихъ божествъ. Изъ этого стихотворенія видно, что онъ, по крайней мѣрѣ однажды, праздновалъ въ своемъ имѣніи частный праздникъ Амбарвалій, т. е. праздникъ обхода сельскими хозяевами своихъ полей съ предназначенными въ жертву, однимъ или нѣсколькими, животными, при чемъ возносились молитвы къ разнымъ божествамъ о благополучіи данной семьи и хозяйства. Совершавшееся въ этотъ праздникъ очищеніе полей и поселянъ ⁴⁾ производилось у Тибулла съ соблюденіемъ стариннаго религіознаго обряда ⁵⁾, исполненіе же предписанныхъ религіозныхъ церемоній было проникнуто, видимо, неподдѣльнымъ религіознымъ чувствомъ, такъ же какъ и прославленіе Тибуллою, по этому поводу, боговъ полей ⁶⁾. Благодаря, именно, руководству названныхъ боговъ, говоритъ Тибуллъ, „отвыкли люди утолять свой голодъ жолудями съ дуба. Тѣ же боги первые научили (людей) прилаживать жерди одну къ другой и образованную такимъ способомъ хижину покрывать зелеными вѣтвями. Они, по преданію, первые также приучили

¹⁾ Tib. I, 1, 11 и слѣд.

²⁾ Dissen, pp. XXIV—XXV. XXXV. 210.

³⁾ Dissen, *Introd ad eleg. l. lib. II, pag. 210.*

⁴⁾ II, 1, 1. 17.

⁵⁾ II, 1, 2 слѣд.

⁶⁾ Notandum et illud in poeta, quod diis agrestibus vitae cultioris initia tribuit; quandoquidem eorum beneficio factum, ut homines mitiorem victum cultumque excogitarent. Etsi et vulgari more Cereri Bacchoque hoc tribuitur, ut monstrasse ac docuisse ea omnia dicantur. (Heune).

быковъ служить человѣку и стали употреблять колеса для повозокъ. Тогда вышла изъ употребленія грубая пища, тогда были посажены плодовые деревья, тогда появился садъ, который и сталъ впитывать орошающую его воду, дѣлаясь чрезъ то плодороднымъ. Тогда золотистый гроздь винограда далъ свой сокъ, выжатый ногами, и отрезвляющая вода была прижѣшана къ вину, освобождающему отъ заботъ“¹⁾. Всѣ эти и подобныя²⁾ разсужденія о богахъ, какъ виновникахъ культуры въ человѣческихъ обществахъ и вообще покровителяхъ людей, вдвойнѣ важны потому, что они составляютъ, повидимому, и плодъ размысленій поэта и предметъ сердечныхъ его вѣрованій. Для такого почитателя сельской жизни, какимъ былъ Тибуллъ³⁾, сельскія божества, производившія вообще, по римскимъ понятіямъ, весьма значительное вліяніе на деревенскую жизнь и имѣвшія въ ней важное значеніе, были, очевидно, существами, реально свидѣтельствующими о своемъ бытіи и своей близости къ человѣку.

Приведенныя элегіи Тибулла довольно хорошо выясняютъ образъ этого поэта со стороны его несомнѣнной религіозной настроенности въ извѣстное время, особенно важное для него какъ сельскаго хозяина, и при обстоятельствахъ, до извѣстной степени рѣшающихъ судьбу поселяннина. Пересмотръ другихъ элегій обнаруживаетъ въ Тибуллѣ столь же несомнѣнное присутствіе религіозности и въ другія времена. Притомъ, эта религіозность выражалась въ чествованіи не только боговъ, вѣдающихъ разныя отрасли сельскаго хозяйства, но и прочихъ боговъ. Поэтъ цѣнитъ и въ другихъ римлянахъ проявленія благоговѣнія къ богамъ, — о чемъ свидѣлствуетъ, напримѣръ, то, что онъ съ удовольствіемъ, какъ кажется, останавливается на благочестіи поселянь⁴⁾, — и самъ показываетъ нѣкоторые признаки того же благочестія и благоговѣнія относительно отечественныхъ боговъ⁵⁾. Онъ придаетъ богамъ

¹⁾ II, 1, 37—46 и друг., особ. стихи 54 и 60.

²⁾ Срав. I, 7, 29 слѣд.

³⁾ I, 1; I, 5, 19 слѣд; I, 10, 39—42; II, 5, 87 слѣд.

⁴⁾ II, 1, 54. 60; срав. II, 5, 95 и др.

⁵⁾ Тибуллъ, какъ и многіе другіе его современники, несомнѣнно

такія наименованія, какъ, напримѣръ, „святой“ ¹⁾, „великій“ ²⁾, „отецъ“ ³⁾,—видитъ въ богахъ верховныхъ блюстителей правды ⁴⁾, а также распорядителей судьбою людей, когда, напримѣръ, говоритъ: „а я, безумецъ, мечталъ о счастливой жизни послѣ твоего выздоровленія! Но богъ отказалъ мнѣ въ этомъ“ ⁵⁾. Заболѣвши, Тибуллъ обращается къ Юпитеру съ молитвой объ избавленіи отъ угрожавшей, какъ ему казалось, смерти. „Отче, пощади!“—взываетъ онъ, замѣчая при этомъ, что преждевременной смерти онъ не заслужилъ ни клятвопреступленіями, ни нечестивыми рѣчами о

чтлль и вноземныхъ боговъ, культъ которыхъ нашель доступъ въ Римъ, какъ видно изъ I, 3, 27 слѣд. Что касается I, 7, 53—54, то врядъ ли здѣсь разумѣется Осирисъ, какъ думалъ Гейне. См. Dissen, 163.

¹⁾ I, 3, 52; II, 1, 81; IV, 4, 9; IV, 6, 7; IV, 13, 23, а также II, 2, 6, гдѣ тотъ же эпитетъ употребленъ при Genii сомае, и IV, 13, 15, гдѣ то же опредѣленіе приложено къ Iudonis numina. Срав. IV, 5, 12. По поводу послѣдняго мѣста слѣдуетъ вообще замѣтить, что хотя Тибуллъ иногда и высказываетъ тѣ или другія сужденія, прежде всего, потому, что становится въ положеніе лица, отъ имени котораго говорить; однако, и при такомъ условіи, выраженные поэтомъ мысли могутъ отчасти характеризовать и его самого: способность одного человѣка стать въ положеніе другого доказываетъ, что это, теперь чужое, положеніе, при извѣстныхъ условіяхъ, могло или можетъ быть для него и своимъ. Затѣмъ, возможно, что поэтъ иногда высказывается такъ, а не иначе, почти совсѣмъ не потому, что самъ серьезно такъ думаетъ въ данную минуту, а потому, что, въ его положеніи и при данныхъ обстоятельствахъ, думать такъ естественно, и можетъ быть, даже обычно; однако и такія мнѣнія Тибулла, очевидно, должны быть принимаемы въ расчетъ при общей характеристикѣ его воззрѣній. Срав. Dissen, 257.

²⁾ I, 2, 79; I, 6, 50; срав. III, 4, 16. Мѣста изъ такъ называемой третьей книги элегій Тибулла, врядъ ли принадлежащей Тибуллу, приводятся потому, главнымъ образомъ, что авторъ ея могъ быть другомъ, ученикомъ и подражателемъ Тибулла. Gruppe, I, 124.

³⁾ I, 3, 51; I, 4, 23; II, 3, 66; срав. III, 4, 48; III, 6, 38. Срав. IV, 5, 9 гдѣ Genii называется «великимъ» (впрочемъ, см. у Гейне, Гушке и Диссена о чтеніяхъ шапе и алте, рядомъ съ шапе въ IV, 5, 9). Еще встрѣчается у Тибулла названіе боговъ caelestes въ I, 9, 5.

⁴⁾ Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить и клятва въ IV, 13, 15.

⁵⁾ I, 5, 19—20 и др. Сравн. III (Lygd.), 4, 43 слѣд. о покровительствѣ боговъ поэту.

богахъ ¹⁾. Поэта, не умѣющаго объяснить холодности къ нему Делій и ея невниманія къ его мольбамъ, охватываетъ какъ будто не притворный страхъ при мысли о томъ, не разгнѣвалъ ли онъ чѣмъ нибудь Венеру или другихъ боговъ, и нѣ за это ли несетъ онъ настоящее наказаніе. „Ужели сорвавшимся съ языка словомъ оскорбилъ я великую Венеру, и теперь мой нечестивый языкъ несетъ за то наказаніе? Ужели ходитъ молва обо мнѣ, что я, злодѣй, вторгся въ жилища боговъ и сорвалъ повязки изъ цвѣтовъ съ священнѣхъ очаговъ ²⁾? Безъ колебаній, если того заслужилъ, повергнусь я ницъ у храмовъ ³⁾ и облобызаю священныя пороги; не остановлюсь я предъ тѣмъ, чтобы смиренно ползти на колѣняхъ по землѣ и своей жалкой головой биться о священную дверь“ ⁴⁾. Онъ преданъ богамъ, особенно, разумѣется, Венерѣ и Амуру ⁵⁾; изъ нихъ Венерѣ, въ благодарность за избавленіе отъ обманчивой страсти, онъ имѣлъ однажды въ виду принести въ даръ золотой щитъ ⁶⁾ съ соотвѣтствующей надписью ⁷⁾, подобно тому, какъ спасенные отъ кораблекрушенія посвящали божеству картину съ соотвѣтствующимъ изображеніемъ, или, какъ оправившіеся отъ болѣзни вѣшали въ храмахъ Изиды изображенія исцѣленнаго человѣка, или исцѣленной части тѣла ⁸⁾, или богини—цѣли-

¹⁾ I, 3, 51—52. Сравни. III, 4, 11—16; III, 5, 5—8. II. 14.

²⁾ Loquitur per totum locum de talibus delictis, quae imprudens aut incensis admiserit. Factum autem interdum videtur, ut iuvenes vino ebris noctu templa deorum intrarent sartaque de aris raperent, quae sibi imponerent aut ad ianuas puellarum ferrent. Iam dicit: Num fortasse etiam de me fama talis est? Ipse enim non memini. Quodsi vero est et vidit hoc aliquis promptus sum ad supplicationem (Diss.). Относительно incestus тотъ же комментаторъ замѣчаетъ: incestus, h. e. improbus, sceleratus, quod ad ipsum raptum sertorum pertineat, dicit Wunderlichius. Alius malit: non pure casteque... Sed... loquitur de uno peccato, ut ostendit copula «que» (Dissen).

³⁾ Procumbere templis, h. e. ad templa (Idem).

⁴⁾ I, 2, 79—86.

⁵⁾ I, 2, 97—98, срав. I, 3, 21—22. 57; I, 6, 30; IV, 13, 24.

⁶⁾ Такой даръ понятенъ: служеніе любви, по взгляду римскихъ лириковъ, есть тоже всего рода militia. Относительно развочтеній срав. у Гейне въ Observat. in I, 9, 82.

⁷⁾ I, 9, 81—84.

⁸⁾ Dissen ad I, 3, 27 sqq. Сравни. сообщеніе о слѣдующемъ открытіи въ Римѣ: «Beim Aesculaptempel, der im Altertum durch mira-

тельницы, съ надписью ¹⁾). Фебу, съ очевидной увѣренностью, придаетъ онъ знаніе будущаго ²⁾ и завѣдываніе различными, существовавшими въ Римѣ, предсказаніями. „Ты“, обращается поэтъ къ Аполлону, „уже издалека видишь грядущее; тебѣ преданный авгуръ хорошо знаетъ, что поэтъ, провидящая судьбу, птица; ты правишь также жребіями; благодаря тебѣ, предчувствуетъ гаруспексъ будущее, когда богъ на гладкихъ внутренностяхъ животныхъ наложилъ знаки (грядущаго); при твоёмъ руководствѣ, никогда не обманывала римлянъ Сибилла, въ шестистопныхъ стихахъ возвѣщающая сокрытую судьбу“ ³⁾. Тибуллъ раздѣляетъ, или, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ видъ, что раздѣляетъ, освященную римской религіей народную вѣру въ предназнаменованія, прижиты и предчувствія. При отправленіи съ Мессалой на востокъ, оставляя въ Римѣ все дорогое для себя, я — заявляетъ Тибуллъ—въ безпокойствѣ всячески старался оттянуть время отъѣзда: „или на птицъ есылался я, или на предвѣщающія бѣду знаменія, или указывалъ въ извиненіе на то, что меня задержалъ священный день Сатурна ⁴⁾. О, сколько разъ, уже отправившись въ путь, говорилъ я, что моя нога, загнувшись въ воротахъ, дала мнѣ печальное предназнаменованіе ⁵⁾. Тибуллъ, безъ тѣни недоувѣрія, передаетъ рассказы о страшныхъ знаменіяхъ, предвѣстившихъ нѣкогда

kulöse Heilungen berühmt war, wurden eine Menge seltsamer Terrakottagebilde ausgegraben. Sie stellen sämtlich einen geöffneten menschlichen Bumpf vor, so dass man Herz, Lungen und Eingeweide sehen kann. Ein ähnliches, aber ungeschickter gearbeitetes Stück ist vor zwei Jahren in Nemi gefunden worden (Berl. ph. Wochenschrift, 1888, № 19, col. 607).

¹⁾ См. Dissen и Heune къ I, 3, 27 сл.

²⁾ II, 5, 11; срав. слова Сульпиція о геніѣ въ IV, 5, 19—20. Въ III, 4, 5 говорится о вѣрности внушеній или открытой божественныхъ. *Divi vates movent*, именно — какъ дополняетъ Диссенъ — *verbis per vates et oracula*.

³⁾ II, 5, 11—16; срав. I, 8, 3—4 о бывшихъ у римлянъ способахъ предугадыванія будущаго. Срав. еще сужденія въ III, 4, 5—6 о вѣрности гаруспцій въ противоположность снамъ (тамъ же; ст. 1 слѣд. и 95—96).

⁴⁾ *Fuit Saturni die sabbatum Iudaicum, atque erant etiam inter Romanos, qui peregrina religione tacti hoc die nihil agerent* (Dissen).

⁵⁾ I, 3, 17—20.

бѣды для Рима, и этой своей объективностью располагаетъ къ мысли, что если въ его умѣ относительно указаннаго предмета и возникали какія либо сомнѣнія, то онъ, все же, не находилъ достаточныхъ основаній для открытаго выраженія ихъ. Сибиллы „говорили“, передаетъ поэтъ, „что явится комета, и что на землю ниспадетъ большой каменный дождь,—зловѣщія знаменія войны ¹⁾! Передаютъ также, что были слышны трубы и шумъ оружія на небѣ, и что голоса изъ рощъ пророчили бѣгство (римскихъ войскъ), и что изображенія боговъ проливали теплыя слезы, и быки, заговоривъ человѣческимъ голосомъ, предвѣщали (грядущую) судьбу. Самое даже солнце, въ теченіе года, являлось утратившимъ прежній блескъ и запрягавшимъ блѣдныхъ коней“ ²⁾). Упомянувъ объ этихъ, давно бывшихъ, страшныхъ знаменіяхъ, и прося Аполлона отворотить возможные въ будущемъ продігія, поэтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и опять повидимому искренно, молитъ бога о томъ, чтобы онъ далъ благопріятное знаменіе, и именно — чрезъ трескъ нарочито возженныхъ лавровыхъ вѣтвей. По поводу исполненія этой мольбы, поэтъ, видимо проникнутый прежнею вѣрой, не только другихъ призываетъ къ радости, но даетъ видѣть и испытываемую имъ самимъ радость ³⁾). Тибуллъ вѣритъ, или, по крайней мѣрѣ, даетъ, кажется, понять свою вѣру въ силу очищеній, обѣтовъ и т. п., замѣчая при этомъ, что и очищенія и все подобное совершалъ будто бы и онъ самолично. „Я, какъ извѣстно“ ⁴⁾, напоминаетъ онъ Деліи, „своими обѣтами спасъ тебя, когда ты лежала, изнуренная тяжелой болѣзнью, я самъ (трижды) обошелъ около тебя съ очистительной сѣрой, между тѣмъ какъ (вѣщая) старуха напѣвала волшебный стихъ. Самъ я отклонилъ зловѣщія предзнаменованія въ твоихъ сновидѣніяхъ, чтобы они не могли вредить, предзнаменованія, которыя нужно отвращать трижды священной мукой (бросаемой въ огонь). Я самъ, покрытый повязкой, въ распоясанныхъ туникахъ, въ безмолвную ночь, исполнилъ де-

¹⁾ Conf. Heune ad II, 5, 71.

²⁾ II, 5, 71—78.

³⁾ II, 5, 79—83 слѣд. и комментаріи.

⁴⁾ Ср. Dissen ad h. v.

вать обѣтовъ Тривіи. Все я выполнилъ“ ¹⁾). Тибуллъ вѣрить и въ исполненіе зложеланій и проклятій, при соизволеніи на то боговъ, и даже какъ бы въ нѣкоторую силу проклятій самихъ по себѣ. Соблазнительница Делія, говоритъ онъ, „пусть вѣсть кровавую нищу, и своимъ окровавленнымъ ртомъ пусть пьетъ она горькій напитокъ, въ которомъ есть большая примѣсь желчи. Около нея всегда пусть летаютъ (загубленные ею) души, жалуясь на свою участь, и съ крышь пусть раздается грозный крикъ филина. А сама она, въ неистовствѣ отъ мучительнаго голода, пусть ищетъ травъ на могилахъ и костей брошенныхъ волками. Такъ и будетъ: знаменіями даетъ это знать богъ“ ²⁾). Поэтъ выражаетъ, на словахъ по крайней мѣрѣ, вѣру и въ чары колдуній, хотя нѣсколько затруднительно съ увѣренностью говорить о томъ, дѣйствительно ли сильна была у него эта вѣра, такъ какъ серьезный, повидимому, тонъ, въ которомъ начинается поэтъ свою рѣчь объ этомъ предметѣ, онъ потомъ оставляетъ, кажется ³⁾). Во всякомъ случаѣ врядъ ли основательно сомнѣваться въ томъ, что, въ трудную минуту, подъ вліяніемъ страсти, ища какого бы то ни было выхода изъ тягостнаго положенія, и готовый на что угодно, даже на то, что въ другое время и при другомъ настроеніи онъ призналъ бы величайшей и непростительной глупостью. Тибуллъ обратился за помощью къ колдовству и ворожеѣ ⁴⁾). Наконецъ, онъ вѣритъ во власть судьбы надъ людьми ⁵⁾), также какъ, повидимому, и надъ богами ⁶⁾), хотя понятіе о судьбѣ, вообще смутное у древнихъ римлянъ, и у Тибулла оказывается довольно неопредѣленнымъ, неустойчивымъ и неодинаковымъ ⁷⁾).

¹⁾ I, 5, 9—17; сравн. тамъ же, въ ст. 43, *verbis*.

²⁾ I, 5, 49—57. Срав. II, 6, 53—54.

³⁾ I, 2, 41—54; срав. ст. 57—58. Срав. еще I, 8, 17—23.

⁴⁾ Такой выводъ позволяютъ, кажется, сдѣлать стихи 59—64 въ той же второй элегіи первой книги.

⁵⁾ I, 1, 69; I, 4, 36; I, 7, 1—2; II, 5, 16.

⁶⁾ I, 4, 37—38; срав. ст. 36. Сопоставленіе этихъ стиховъ можетъ приводить къ мысли, что отъ *fata* зависятъ какъ непродолжительность человѣческой красоты, такъ и вѣчная юность Феба и Бахха.

⁷⁾ Кромѣ указанныхъ мѣстъ срав. еще I, 3, 53; I, 4, 31; I, 5,

Но вѣрующіея человѣкомъ является Тибуллъ не всегда. И этотъ римскій поэтъ, одинаково съ другими, оправдываетъ давнее наблюденіе, что человѣкъ состоитъ изъ противорѣчій, что жизнь человѣческаго духа, не исключая и религіозной ея стороны, складывается изъ взаимно-исключающихъ одно другое явленій. Частію, вслѣдствіе этого свойства обыкновенной человѣческой природы мириться съ диссонансами въ своей внутренней жизни и даже отчасти тяготѣть къ нимъ, частію, вслѣдствіе отсутствія догматовъ въ римской религіи и вслѣдствіе открывавшагося такимъ образомъ значительнаго простора для вѣрующихъ римлянъ въ ихъ сужденіяхъ о богахъ, Тибуллъ иногда думалъ о божествахъ, его свойствахъ, обнаруженіяхъ его воли и проч. не такъ, какъ подобало думать правовѣрному, искренно и всецѣло вѣрующему язычнику и какъ, повидимому, думалъ самъ онъ, когда выражалъ приведенныя выше мысли. Вотъ примѣры.

„О, Фебъ, будь благосклоненъ!“ взывалъ поэтъ къ Аполлону по поводу причисленія Мессалина къ коллегіи квиндецемвировъ и его инавгураціи. „Новый жрецъ вступаетъ въ твой храмъ. Приди же сюда съ цитрой и пѣснями... Явись въ блестящемъ и красивомъ видѣ: оденься сегодня въ свою парадную одежду, хорошенько расчеши свои длинныя волосы“¹⁾). Положимъ, говорить такъ могъ не одинъ Тибуллъ²⁾); но все-таки, подобныя рѣчи о богахъ въ устахъ смертнаго неумѣстны и, кажется, не могли быть одобрены даже и правовѣрнымъ язычникомъ. — Другой примѣръ. Намѣреваясь отправиться въ походъ въ Аквитанію вмѣстѣ съ своимъ другомъ и покровителемъ Мессалой, поэтъ обратился къ ларамъ съ такого рода молитвой: „Сохраните меня, отеческіе лары! Вы же и вскормили меня, когда я еще ребенкомъ бѣгалъ у вашихъ ногъ“³⁾). Сряду за тѣмъ, въ непосредственно слѣдующихъ

69; II, 5, 12. 57. 78; II, 6, 34; IV, 4, 11. Срав. также III, 3, 35; III, 4, 47; III, 5, 18. 32; III, 6, 30.

¹⁾ II, 5, 1—2 и 7—8; ср IV, 6, 13.

²⁾ *Ornatum etiam deos mutare pro festis diebus credidit antiquitas, et documentum est habitum faventis dei, si bene ornatus interesset (Dissen).*

³⁾ I, 10, 15—16; срав. ст. 25 сл.

стихахъ, тѣмъ же божествамъ внушалъ онъ слѣдующее: „Не стыдитесь того, что вы сдѣланы изъ стараго пня: такими же точно жили вы въ домѣ моего древняго предка“ ¹⁾). Если первое обращеніе къ Аполлону дышало фамиллярностью, то второе обращеніе къ ларамъ еще сильнѣе отзывается ею. Та же фамиллярность въ отношеніи къ богамъ видна въ наименованіи у Тибулла подруги божествомъ ²⁾, въ названіи боговъ жестокими ³⁾ и въ обращеніяхъ къ нимъ на подобіе низеслѣдующихъ. Поэтъ, напримѣръ, въ иттересахъ своего друга Титія, желая воспользоваться опытностью Пріапа въ приобрѣтеніи благосклонности красивыхъ мальчиковъ, предложилъ этому богу такой вопросъ: „Благодаря какой своей хитрости, плѣнилъ ты красавцевъ? Вѣдь борода твоя не красива и волосы на твоей головѣ не убраны; въ наготѣ проводишь ты холодную зиму, нагимъ проводишь и знойно—сухое время лѣта“ ⁴⁾). Упомянувъ однажды о томъ, что Аморъ, стараясь завлечь Тибулла, старался на него ласково, а потомъ, увлекши его и такимъ образомъ достигши своей цѣли, становится къ нему суровымъ, поэтъ дѣлаетъ этому богу такой упрекъ: „зачѣмъ эта твоя жестокость въ отношеніи ко мнѣ? Ужели велика слава для бога подстроить лобушку человѣку“ ⁵⁾? Возмущенный вѣроломствомъ своего любимаго, Тибулла разразился однажды рѣзкими упреками по его адресу и сказалъ объ ожидающей его за то, рано или поздно, карѣ. Но это, сорвавшееся у поэта съ языка, слово пробудило въ немъ чувство старой привязанности, и вотъ онъ взываетъ къ богамъ: „Пошадите, небожители! Справедливо было бы, если бы красавцамъ можно

¹⁾ I, 10, 17—18; срав. также довольно характерное выраженіе—*«lignus deus»*—въ ст. 20.

²⁾ I, 10, 59—60: *A, lapis est ferrumque, suam quicumque puellam verberat: e caelo deripit ille deos.*

³⁾ I, 4, 35.

⁴⁾ I, 4, 3—6. Срав. также у Л. Миллера въ *Priapea* № 82 и № 81. Диссенъ въ комментаріѣ, стр. 463—464, поддерживаетъ мнѣніе, что *recte abjudicare videntur hocgenus proeseos Tibullo Bronckhuis aliique plurimi*. Можетъ быть, эти ученые и правы; но нельзя не замѣтить, что отдѣльные стихи въ этомъ родѣ у Тибулла есть. Срав. еще Gruppe, I, 233 слѣд.

⁵⁾ I, 6; 3—4.

было одинъ разъ безнаказанно оскорблять ваше божественное величїе“¹⁾). Видя жадность Немезиды, и недостаточно богатый для насыщенія ея корыстолюбїа, Тибуллъ говорилъ, что ему остается обокрасть храмы, и при этомъ замѣчалъ: „но прежде другихъ храмовъ слѣдуетъ мнѣ наложить руку на храмъ Венеры: она внушаетъ мнѣ это злодѣяніе и она даетъ мнѣ алчную госпожу. Пусть же она (эта богиня) почувствуетъ и святотатственныя руки“. Борыстолюбїе женское, продолжалъ онъ, послужило основаніемъ того, что „богъ Amorъ до такой степени сталъ безславенъ“²⁾).

У Тибулла часто замѣчается совершеннѣйшее отсутствїе сколько нибудь возвышенныхъ представленій о божествѣ. Онъ упоминаетъ о богахъ тамъ, гдѣ это совсѣмъ не къ мѣсту, или не вполне умѣстно. Такъ, онъ говоритъ, что „есть богъ, не допускающій тайныхъ обмановъ“, въ элегии, гдѣ идетъ рѣчь о привязанности поэта къ Марату³⁾. Тибуллъ слишкомъ рельефно выражаетъ мысль о томъ, что дары богамъ, въ глазахъ послѣднихъ, сами по себѣ имѣютъ громадное значеніе: изъ словъ поэта какъ будто слѣдуетъ, что боговъ можно подкупать дарами⁴⁾. Поэтъ кощунствуетъ, допуская возможность предположенія, что Немезида, которая отказывается ему въ своей благосклонности, осилитъ богиню Надежду, которая обѣщаетъ ему эту благосклонность⁵⁾. Тибуллъ

¹⁾ I, 9, 5—6. Срав. также фамиллярныя выраженія о богахъ, которыя Тибуллъ дозволилъ себѣ выразить отъ лица Керинеа въ IV, 2, 1—4, а равно выраженія въ IV, 4, 3—4 и 21—26; относительно безнаказанности влѣтвопреступленій нѣкоторыхъ лицъ срав. III, 6, 49—50 и I, 4, 21—26.

²⁾ II, 4, 24—26 и 37—38.

³⁾ I, 9, 24 слѣд.; срав. I, 8, 72. Срав. также I, 5, 7—8.

⁴⁾ II, 2, 1 слѣд.; IV, 6, 13—14; срав. I, 8, 70 и III, 3, 1—2 сл.

⁵⁾ II, 6, 27—28. Срав. кощунство, вызванное желаніемъ польстить Мессалѣ у автора (которымъ, впрочемъ, по мнѣнію Gгарре, I, 258 сл., 260, 264, 145 слѣд., могъ быть и Тибуллъ въ молодыхъ годахъ) панегирика Мессалѣ—IV, 1, 130—134. Кощунство здѣсь не въ томъ, что Тибуллъ представляетъ Юпитера сошедшимъ съ Олимпа, чтобы выслушать мольбу Мессалы (срав. Disson, p. 414—415), а въ томъ, что поэтъ изображаетъ Юпитера, какъ бы съ благоговѣніемъ или съ особеннымъ почтеніемъ выслушивающимъ мольбу Мессалы, и въ этомъ отношеніи, отчасти, какъ бы приравниваетъ Юпитера ко всей

представляет себя слишком хорошо знающимъ планы и мысли боговъ, и не въ мѣру легко даже для язычника относится къ божественному гнѣву и могущимъ, вызвать его, дѣйствіямъ людей, въ томъ числѣ даже къ богохульству. Такъ, замѣтивши, что его Керинеъ страшно боится за жизнь своей невыздоравливающей по-други и то дѣлаетъ обѣты богамъ, то—въ сердечной тревогѣ—ведеть о богахъ дерзкія рѣчи, Тибулль обращается къ другу съ таковыя словами: „не бойся, Керинеъ: богъ не обижаетъ любовниковъ. Ты только люби всегда, (и) цѣла (будетъ) твоя дѣвушка“¹⁾. Боги его въ высшей степени челоѡкоподобны по своимъ часто пустымъ и мелочнымъ интересамъ. „Счастливы были люди въ старину“, восклицаетъ поэтъ, „когда, по рассказамъ, вѣчные боги не стыдились открыто служить Венерѣ“²⁾. Тибулль—челоѡкъ жизне-радостный, который всѣ, для жизни нужныя и жизнь составляющія влеченія челоѡческой и подобной ей природы (отчасти впрочемъ согласно съ государственной религіей, какъ видно изъ *Indigitamenta*) признаетъ нормальными, и который поэтому можетъ лишь одобрить то, что дѣлалъ когда-то Аполлонъ и что дѣлаютъ всѣ служители бога любви³⁾. Вообще, въ представленіяхъ и сужденіяхъ этого поэта о богахъ есть не мало частныхъ, крайне сомнительныхъ съ точки зрѣнія религіозной и отчасти даже съ точки зрѣнія римской религіи. Соблазнительныя выраженія о богахъ влагаются поэтомъ въ уста даже боговъ. Таково восклицаніе: „жестокіе боги!“ въ рѣчи, выведеннаго Тибуллою, въ качествѣ собесѣдника, Пріапа⁴⁾. Поэтъ словно забылъ, и для него какъ будто безразлично, что сѣтованіе на боговъ въ устахъ бога же,

природѣ, которая также въ благоговѣйномъ молчаніи внимала моленію Мессалы.

¹⁾ IV, 4, 15—16.

²⁾ II, 3, 29—30. *Veneri servire, locutio nunc cum respectu ad servitium Apollinis dicta, significat hic: pro amore facere, tolerare omnia. Magnopere enim errat Brouckhusius de concubitu aperto cogitans, quae res ab hoc nexu rerum plane aliena est et ne uno quidem verbo praeparata in antecedentibus (Dissen). Ср., впрочемъ, стихи 71—72.*

Дальше, срав. III, 4, 67 слѣд.

³⁾ Отсюда объясняется нѣсколько циничное заключеніе въ II, 1.

⁴⁾ I, 4, 35.

хотя бы и не первого ранга, по меньшей мѣрѣ странно и неудобно, и что этотъ способъ или образъ выраженія можетъ дать основаніе и поводъ для довольно существенныхъ выводовъ относительно религиозныхъ понятій автора, относительно его легкомыслія въ такихъ вообще важныхъ и на его взглядъ вопросахъ, какъ вопросы религиозные. Впрочемъ и то нужно сказать, что нѣкоторыя выраженія Тибулла о богахъ, какъ соблазнительныя съ указанной стороны, такъ и несоблазнительныя, быть можетъ, суть не болѣе какъ привычныя и общія фразы ¹⁾.

Сравнительно большее, повидимому, единство воззрѣній наблюдается въ Тибулловыхъ сужденіяхъ о человѣкѣ, объ идеалѣ и задачахъ человѣческой жизни на землѣ и о посмертной судьбѣ человека. Какъ отчасти видно уже изъ сказаннаго раньше, однимъ изъ главныхъ стремленій Тибулла было его влеченіе къ простой сельской жизни. Изъ этого стремленія, которое онъ признавалъ нормальнымъ и, видимо, желалъ бы встрѣчать и въ другихъ римлянахъ, объясняются, отчасти, уже приведенныя сужденія его о богахъ. Здѣсь же находятъ для себя объясненіе нѣкоторые изъ основныхъ его взглядовъ на человѣка, въ его прошломъ и настоящемъ. У Тибулла встрѣчаемъ, напримѣръ, восторженный отзывъ о такъ называемомъ золотомъ вѣкѣ въ жизни человечества, вѣкѣ простоты и незатѣйливости этой жизни. „Какъ хорошо“, говоритъ онъ, „жили (люди) при царѣ Сатурнѣ, прежде чѣмъ земля стала открыта для длинныхъ путешествій. Сосновый корабль еще не разсѣкалъ съ презрѣніемъ сивихъ волнъ (морскихъ) и не поднималъ паруса, надутаго вѣтромъ. Мореходъ-торговецъ, ища барышей въ невѣдомыхъ земляхъ, еще не грузилъ корабля чужестраннымъ товаромъ. Въ то время сильный быкъ еще не носилъ на себѣ ярма, конь не грызъ удила укрощенной челюстью; ни одинъ домъ не имѣлъ дверей; не были врыты въ поляхъ камни, которые опредѣляли бы извѣстныя границы пашней. Дубы сами давали медъ, и овцы добровольно приносили свои сосцы съ молокомъ беззаботнымъ людямъ.

¹⁾ Срав. I, 2, 8. 16. 34; I, 3, 4—5. 21—22. 27 сл.; I, 9, 11 и друг.

Ни боевого строя, ни воинского пыла не было, ни войнъ, и жестокий кузнецъ еще не выковалъ меча при помощи своего дикаго искусства. Теперь, когда владычествуетъ Юпитеръ, постоянныя убійства и раны, теперь опасности на морѣ, теперь многіе пути смерти открылись“ ¹⁾. Затѣмъ Тибуллъ, съ замѣчательною теплою чувства, и, притомъ, не разъ, рисовалъ картины сравнительно незатѣйливой деревенской жизни, и самъ, видимо, услаждался этими картинами ²⁾.

Нужно, впрочемъ, сказать, что преклоненіе предъ старинною простотою жизни было у Тибулла отчасти платоническимъ. Довольно вѣроятно, что если бы этому поклоннику и любителю деревенской простой жизни и почитателю Сатурнова вѣка было предложено на самомъ дѣлѣ жить жизнью Сатурнова вѣка, то онъ едвали согласился бы на то. Поэтъ, несомнѣнно, любилъ простую жизнь; но эта, въ цѣломъ и сравнительно съ жизнью извѣжженныхъ богачей, простая жизнь, въ его представленіи, неразрывно, кажется, соединялась со многими удобствами и съ комфортомъ, о которомъ, конечно, никто не думалъ и не могъ думать въ некультурное — по выраженію Овидія — царствованіе Сатурна. Тибуллъ, напримѣръ, очень цѣнилъ вино, кажется, неизвѣстное при Сатурнѣ, по мнѣнію самого же поэта, ³⁾ и обращался къ нему, повидимому, всякій разъ, какъ только хотѣлось, въ радости и горѣ, обращался чаще, чѣмъ это было извинительно почитателю Сатурновой простоты жизни. Представляя себя присутствующимъ на праздникѣ Амбарвалій, т. е. обхода и освященія полей, Тибуллъ изображаетъ, какъ онъ находится при богослуженіи въ этотъ день въ своемъ мнѣніи и какъ, послѣ жертвоприношенія, отдаетъ слѣдующее приказаніе: „теперь вынесите мнѣ, побывшаго въ копилкѣ, фалерискаго вина, съ мѣткой давно бывшаго консула, и снимите смоляную укупорку съ хіосскаго кувшина. Пусть дастъ вино праздничный характеръ нынѣшнему дню: нѣтъ стыда въ томъ, чтобы

¹⁾ I, 3, 35—50. Срав. II, 3, 68 слѣд.

²⁾ I, 1; I, 5, 19 слѣд. и друг., напр. I, 2, 71.

³⁾ Срав. I, 7, 35 и слѣд. и II, 3, 63—68.

въ праздникъ выиить и оттого плохо владѣть своими ногами¹⁾. Къ вину прибѣгалъ онъ и въ кручинѣ, какъ говорить: „часто пытался я отогнать заботы виномъ“²⁾. Вообще, онъ очень цѣнилъ этотъ напитокъ и даже посвятилъ ему нѣсколько, дѣйствительно, изъ сердца вылившихся стиховъ³⁾. Дальше, онъ ясно, кажется, давалъ понять, что не можетъ ни жить⁴⁾, ни писать поэтическихъ произведеній⁵⁾ безъ любви, при чемъ было видно, что онъ особенно дорожитъ именно свободной любовью, не смотря даже на весьма непривлекательныя стороны въ характерѣ ея представительницъ⁶⁾.

Изъ сказаннаго видно, что жизнь, о которой мечталъ Тибуллъ и которую онъ отчасти жилъ, была жизнь вблизи природы и господствующихъ въ ней божественныхъ силъ, — жизнь, въ которой чествованіе боговъ занимаетъ не послѣднее мѣсто, хотя и мирится съ крайнею подчасъ фамиллярностью смертныхъ въ отношеніи къ богамъ, — жизнь, протекающая подъ покровительствомъ и надзоромъ боговъ, въ мирѣ съ другими людьми, — жизнь, возможно простая, въ которой отсутствіе или недостатокъ роскоши вознаграждается другими дарами счастья⁷⁾. Эти дары — любовь, встрѣчающая, конечно, и взаимность, любовь къ женщинамъ и къ мальчикамъ. Та и другая любовь должна быть, прежде, всего чиста отъ подозрѣнія въ корысти, хотя въ дѣйствительности такое условіе выполняется рѣдко и выполнимо съ трудомъ, что Тибуллъ, находясь въ пессимистическомъ настроеніи, и выразилъ однажды въ сентенціи: „подарки сильнѣе всякой любви“⁸⁾. Любовь женщинъ и къ женщинамъ, какъ и естественно, сопровождается разнаго рода хитростями съ обѣихъ сторонъ⁹⁾. Любовь эта должна быть совершенно

¹⁾ II, 1, 27—30.

²⁾ I, 5, 37.

³⁾ I, 7, 37—42.

⁴⁾ II, 6, 19—20.

⁵⁾ II, 5, 111—112.

⁶⁾ См., между прочимъ, короткія, но мѣткія характеристики и уважанія у Диссена, стр. XVII сл. и XXV слѣд.

⁷⁾ Сравн. пессимистическое замѣчаніе въ III, 4, 9.

⁸⁾ I, 5, 60 и др.; I, 9, 1 слѣд., особ. 77; I, 4, 57—58.

⁹⁾ I, 6, 9 слѣд. и круг.

свободна и не знать никакихъ искусственныхъ и условныхъ сдержекъ и преградъ; образцомъ для нея могутъ отчасти служить отношенія между полами въ доброе старое время, въ золотой вѣкъ человечества ¹⁾. Привязанность къ красивымъ мальчикамъ или юношамъ ²⁾ можетъ служить какъ бы нѣкоторой замѣной перваго рода привязанности ³⁾. Для приобрѣтенія ея требуется не малое искусство, и въ этомъ искусствѣ особенную опытность имѣетъ богъ Пріанъ. Поэтому Тибуллъ однажды обратился къ названному богу за потребными указаніями, которыя и получалъ ⁴⁾.

Когда, послѣ счастливой или несчастливой въ вышеуказанномъ смыслѣ жизни на землѣ, по рѣшенію судьбы, къ человѣку „тихими шагами“ и „тайно“ приблизится смерть ⁵⁾ съ „головою, окутанною мракомъ“ ⁶⁾, то въ существованіи человѣка начинается новый періодъ, именно посмертная жизнь въ Елисіѣ или Тартарѣ ⁷⁾. Вотъ какъ представляетъ себѣ Тибуллъ жизнь въ Елисіѣ. „Здѣсь—пляски и пѣніе; тамъ и слѣтъ летающія птички изъ своихъ тоненькихъ горлышекъ издають пріятныя мелодіи; невоздѣланная почва произращаетъ дикую корицу, и благодатная земля во всѣхъ

¹⁾ II, 3, 68—74.

²⁾ Относительно существованія такой привязанности у Тибулла срав. Dissen, 86, 165 и 178.

³⁾ Сравн. подобныя наблюденія относительно греческаго міра, напримѣръ, въ Berl. ph. W., 1888, № 26, с. 808 folg.

⁴⁾ Эта, своего рода, *ars amandi*, соответствующая Овидіевой, изложена Тибулломъ въ I, 4. Сравн. II, 3, 34 и Diss. ad h. v.

⁵⁾ I, 10, 34.

⁶⁾ I, 1, 70.

⁷⁾ Тибуллъ въ I, 10, 33 и слѣд., сказавши, какъ безумно войнами ускорять смерть, которая и безъ того сама въ свое время придетъ (срав. II, 6, 19—20), продолжаетъ затѣмъ: «Въ преисподней нѣтъ ни нивы, ни воздѣланнаго виноградника, — тамъ бѣшеный Церберъ и безобразный перевозчикъ черезъ Стигійскую воду. Тамъ блѣдная толпа (умершихъ) съ исцарапанными щеками и опаленными волосами бродитъ у черныхъ оверъ». Dissen, pag. 200, говоритъ: *Male Vossius verba: «errat ad lacus» de umbris nondum transvectis capit, quae petant lacus ut transvehantur. Immo in Orco sunt, ut par est, et de Orco regionibus iniucundis agitur.* Однако, мысль, выраженная Фоссомъ и приходившая въ голову не одному ему, весьма естественна. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о томъ, какая именно область подземнаго міра обозначена у Тибулла въ I, 10, 33 слѣд., остается нерѣшеннымъ.

поляхъ, покрыта благоухающими розами; а рядъ юношей, смѣшавшихся съ нѣжными дѣвушками, забавляется играми ¹⁾, и любовь безпрестанно вызываетъ ихъ на взаимную борьбу. Тамъ находятся всѣ, къ кому пришла хищная смерть, когда они любили, и на головахъ ихъ красуются миртовые вѣнки“. „А мѣстопробываніе грѣшниковъ“, продолжаетъ поэтъ, „сокрыто въ глубокомъ мракъ; кругомъ его, съ шумомъ текутъ черныя рѣки; и Тисифона, вмѣсто волосъ ижѣ на головѣ змѣй оцѣненѣлыхъ, неистовствуетъ (среди грѣшниковъ ²⁾), и нечестивая толпа мечется туда и сюда. Затѣмъ, въ воротахъ черный Церберъ шипитъ (находящимися у него на головѣ) змѣйнными головами и сторожитъ передъ жѣдными дверями. Тамъ, на быстро вращающемся колесѣ, кружится грѣшное тѣло Иксиона, дерзнувшаго искушать Юнону, и Титій, раскинувшись на пространствѣ девяти югеровъ, своими черными внутренностями кормитъ не покидающихъ его птицъ. Танталъ тамъ, и кругомъ его вода; но лишь только сдѣлаетъ онъ попытку испить (этой воды), какъ волна убѣгаетъ, не утоливъ его жестокой жажды. И дочери Даная, за оскорбленіе божественнаго достоинства Венеры, несутъ здѣсь воду изъ Леты въ дырявыя сосуды. Тамъ да будетъ и тотъ, кто оскорбилъ мою любовь и пожелалъ мнѣ долгой военной службы“, вдали отъ любимой женщины ³⁾. Относительно себя поэтъ увѣренъ, что, когда онъ проживетъ опредѣленные ему рокомъ годы, „сама Венера поведетъ его въ Елисейскія поля, такъ какъ онъ всегда былъ послушенъ нѣжному Амуру“ ⁴⁾. Жизнь за гробомъ есть жизнь сознательная, какъ видно изъ предыдущаго, а также и изъ того, что, заговоривъ однажды о своихъ похоронахъ, Тибуллъ просилъ Делію уиѣрить при этомъ свою печаль и выраженіями этой печали не огорчать его, Тибулла,

¹⁾ De saltatione cogitari non debet, quia de choreis in Elysio modo dictum est. Describit nunc proelia iucunda amoris, qualia iste locus habet. Cogita igitur iuvenum seriem et puellarum variis lusibus amatoriiis se delectantes, illos impetum facientes in has, penetrantes, oscula rapientes, iocantes alium cum alia (Dissen).

²⁾ Saevit—verberibus et taedis ardentibus miseros exagitat (Heyne).

³⁾ I, 3, 59—82.

⁴⁾ Ibid., vv. 53—58.

Мановъ ¹⁾. Жизнь эта многимъ усопшимъ общаетъ немалыя утѣхи; однако, самовольно стараться перейти въ эту жизнь безумно, — не потому, что насильственное прекращеніе жизни земной противно какимъ либо высшимъ соображеніямъ (такихъ соображеній у Тибулла не замѣтно), но просто потому, что смерть, которая притомъ и сама не замедлитъ придти въ свое время, и по существу своему и по своимъ послѣдствіямъ, есть вообще нѣчто весьма неприятное для человѣка ²⁾. Впрочемъ, самъ поэтъ, подъ вліяніемъ известныхъ неудачъ, не разъ подумывалъ о лишеніи себя жизни и, если остался жить, то только въ надеждѣ на лучшее будущее ³⁾.

Итакъ, по Тибуллу, боги существуютъ, и притомъ совсѣмъ не въ качествѣ далекихъ отъ міра и не имѣющихъ никакого отношенія къ человѣку существъ, какъ доказывала одна изъ распространенныхъ въ Римѣ философскихъ школъ. Они близки къ человѣку, иногда даже живутъ или жили почти рядомъ съ нимъ, оказываютъ вліяніе на человѣческую жизнь, принимаютъ дары и выслушиваютъ молитвы смертныхъ, объявляютъ имъ свою волю и свой гнѣвъ или милость въ разныхъ знаменіяхъ, истолковываемыхъ особо назначенными для того лицами, и вообще живутъ и поступаютъ именно такъ, какъ учить по преданію переходящая народная вѣра и поэтическая мифологія. Но не слѣдуетъ ли представлять божество существомъ безконечно высшимъ человѣка и обладающимъ болѣе высокими стремленіями и понятіями, чѣмъ тѣ, какія обыкновенно предполагаютъ и хотятъ видѣть въ немъ римляне, — нѣтъ ли противорѣчія въ обычныхъ воззрѣніяхъ на божество, какъ существо, стоящее иногда какъ будто выше человѣка съ его мелкими часто интересами, а иногда — на одномъ уровнѣ съ нимъ, — можно ли, оставаясь дѣйствительно религіознымъ человѣкомъ, возносить молитвы къ божеству и спустя недолго или даже вслѣдъ за тѣмъ относиться къ нему какъ къ равному, — эти и подобные вопросы, какъ кажется, совсѣмъ даже не приходили Тибуллу въ голову.

¹⁾ I, 1, 67. Относительно загробнаго міра срав. III, 2, 9 слѣд., III, 3, 10. 37—38; III, 5, 21 слѣд.; IV, 1, 67—68.

²⁾ I, 10, 33—38.

³⁾ II, 6, 19—20.

Въ сужденіяхъ его о человѣкѣ почасту совѣтъ незамѣтно стремленія — вывести всё поступки людей изъ нѣкоторыхъ общихъ и притомъ болѣе или менѣе возвышенныхъ нравственныхъ или религіозно-нравственныхъ правилъ; къ возмутительнѣйшимъ, на болѣе просвѣщенный взглядъ, явленіямъ въ нравственной области относится онъ какъ къ явленіямъ нормальнымъ.

Такого рода отношеніе одного изъ образованнѣйшихъ и притомъ, сравнительно, наиболѣе набожныхъ членовъ римскаго общества къ важнѣйшимъ вопросамъ жизни, конечно, не предполагаетъ существованія въ этомъ обществѣ, или по крайней мѣрѣ въ значительной его части, серьезной и глубокой религіозной настроенности, которая налагала бы замѣтный отпечатокъ на весь складъ его жизни. Но отъ такого признанія еще далеко до мысли о совершенномъ разложеніи римской религіи въ то время, когда жилъ Тибуллъ. Мысль эта доселѣ поддерживается, но безъ достаточныхъ основаній.

Александръ Садовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки